

В детстве Миша мечтал работать в цирке

25, наверное, уже муж и трое детей». Они ошиблись.

— Оля, и что вы подумали, когда увидели Мишу?

Оля: Я про себя отметила, что Миша изменился в лучшую сторону.

Миша: А я, когда увидел Олю, подумал: губы очень сильно накрашены. Тем не менее, как только вернулся домой, почувствовал, что хочу ей позвонить, что и сделал.

— А как Миша ухаживал? Цветы дарил?

Оля: Цветы Зеля подарил мне один раз — на 8 Марта, он этого не любит. Мишка взял меня измором, постоянно звонил мне, иногда в день по несколько десятков раз (однажды я насчитала 75 звонков). Мы болтали часами. Меня эта забота тронула. Родители наши удивлялись: о чем так долго можно говорить? Что же до ухаживаний, то Миша меня постоянно баловал, что-то дарил. Все это было красиво, и я довольно долго ждала окончания этого конфетного периода. Мы уже два года вместе, а он все продолжается. Теперь-то я понимаю, что Мишка просто такой человек: внимательный, добрый, необыкновенный. Мы даже не ругаемся никогда. Только спорим. До одури.

— Кто уступает первым?

Оля и Миша (хором): Я, конечно. (Раздается хохот.)

Оля: Нет, правда, я стараюсь вставать на Мишкину сторону. Мне кажется, что нет того, что я бы для него не сделала. И хотя я люблю свою работу,

если Мише понадобится куда-нибудь уехать, я, не раздумывая, все брошу и поеду с ним. А как иначе? У его замечательных родителей все было так же. Поэтому у них такие романтические отношения. Они до сих пор ведут себя как молодожены. Если Ирина Ивановна устала, Владимир Михайлович без проблем приготовит для нее ужин.

— Чувствуется, что со старшими у вас полное понимание.

Миша: Иначе и быть не могло. Родители и Оля — мои самые близкие люди, они мои друзья. Мы живем отдельно, но каждые выходные гостим у них. Кстати, именно родители одни из немногих, кто оценил покупку моего «жука» (во дворе Михаила красуется желтый «Фольксваген-жук» 1973 года рождения по имени Бобося), хотя им-то — садоводам — как раз и не понять, зачем машина, на которой дачные заготовки не вывезти. Все остальные отнеслись к моей покупке как к милой шалости.

— А что, на самом деле все так серьезно?

— Да я мечтал о «жуке» семь лет!!! Все книги о нем перечитал, постоянно покупал маленькие его копии. Самое забавное, что на тот момент, когда Бобося был все-таки куплен, у меня еще прав не было, поэтому некоторое время «жука» водила Оля.

— Михаил, а как получилось, что при таком взаимопонимании с родителями вы не пошли по их стопам?

— Это еще как на это посмотреть.

Моя мама — хореограф, и хотя я не стал танцовщиком, фигурным катанием занимался довольно долго. И после школы, чтобы никому не было обидно, поступил сразу в два вуза — медицинский и физкультурный. Но если физкультурный (факультет спортивного менеджмента) я окончил, то из медицинского ушел. Видимо, задорное веселье моих однокурсников по поводу скоростного скелетирования мышек меня не сильно влекло.

— Выших материй захотелось?

— Почти угадали. В седьмом классе мы с моим приятелем поклялись, что после школы пойдем работать в цирк. Мы просто болели Чаплином, а мне мечталось стать шпехштаймейстером — это человек, который номера в цирке объявляет. К счастью или к сожалению, мечта не сбылась. Однако смутное чувство прекрасного манило в свет софитов (смеется), и я, бросив, к отцовскому ужасу, медицинский, отправился покорять московские театральные вузы.

— Успешно?

— Переоценив свой актерский талант, я провалился сразу в трех. Как сейчас помню, гордо прочел отрывок из Довлатова. Теперь я понимаю, что моих способностей для участия в художественной самодеятельности, может быть, и хватит, а вот дальше...

— Не надо скромничать. На телеви-

дении без драматических способностей не обойтись. Кстати, как вы попали в «Вести»?

— Еще в Хабаровске я начал работать на местной музыкальной радиостанции ди-джемем. Потом мы переехали в Москву и начали ремонт. И вот мой папа в шапочке из газеты белил потолок, а по телевизору объявляли набор в институт работников радио и телевидения. Папа тут же позвал меня, и я решил попробовать. В институте была практика, которую я провел на «Ностальжи» и ТВЦ. Потом начался набор в «Вестях», и меня сразу взяли.

— Помните свой первый эфир?

— Конечно. Меня от страха на какой-то момент просто парализовало. Слава Богу, Светлана Корнелиевна Макарова, наш преподаватель в телеинституте, на советы не скупилась. Но один страшный сон меня мучил довольно долго.

— Во сне у вас наверняка садился голос или вы текст забывали?

— Гораздо хуже. Стул у ведущего без подлокотников и спинки, чтобы, забывшись, назад не завалиться и «не уйти из кадра». И вот снится мне, что я в эфире, а у моего стула не только спинки нет, но и ножек. Вместо них один штырь. Читаю я текст, стул качаться начинает, вместе с ним качаюсь я и оператор с камерой, а листочки с текстом в это время по-

Михаил терпеть не может копаться в родительском огороде, но к его дарам относится благосклонно